

Наш край — Загородье

Историко-краеведческая газета Дрогичинского района

№ 14-15, июнь-сентябрь 2011 г.

Читайте в номере:

с. 1-12 _____ **ВОСПОМИНАНИЯ ВИКТОРА БАРТОША**

с. 12-16 _____ **ВОСПОМИНАНИЯ АЛЕКСАНДРЫ БАРТОШ**

Воспоминания Виктора Акимовича БАРТОША

Согласно записи в церковной метрической книге, я родился 18 августа 1898 г. в д. Заеленье Хомской волости Кобринского уезда Гродненской губернии. Там и прошло моё детство.

Очень часто я вспоминаю старенький дом с маленькими окошками и заболоченную пойму р. Ясельда. Хорошо помню, как наша семья разбирала старый дом и строила на его месте новый. Это было накануне Первой русской революции.

Дом строили хомские еврей-плотники. Однажды мы с двоюродным братом Юлианом играли около стройки. Один из плотников стоял на лестнице возле фронтона и делал крышу, а его поперечная пила висела на лестнице. Брат Юлиан ловил меня, а я, убегая от него, пробегая, зацепил лестницу. В этот момент на Юлиана упала пила и поранила ему голову. Залитый кровью, брат поднял крик. Сбежались старшие. Его мать обмыла раны и перевязала. Всё, слава Богу, обошлось.

В. А. Бартош, 1956 г.

Припоминаю ещё один случай. С нами жил наш старенький дед. Он хромал на ногу, но ещё кое-что делал по хозяйству. Однажды дедушка Фёдор молотил в клуне рожь, а я гулял рядом.

Увидел висящий на крюке окорок и начал просить: «Дедушка, ветчины!». Он думал, что я прошу открыть калитку. Дедушка мне ответил: «То ж она отчинена!». Услышала это мама и говорит ему: «То ж он стегна просит». Вот так иногда бывало, что мы понимали по-разному смысл слов местного наречия.

Новый дом был построен большой: с кухней, спальней комнатой и деревянными полами.

Когда мне исполнилось 6 лет, отец устроился на работу кладовщиком на станцию Блудень Московско-Брестской железной дороги. Жили и мы с ним. Я часто бывал на станции. При станции было и паровозное депо, где ремонтировали паровозы. Мне нравилось наблюдать за работой железнодорожников, поэтому всё свободное время я коротал у депо.

В нашей семье было четверо детей: сёстры Настя, Мария, Анна и я. Ещё был брат Коля, но он умер в возрасте 5 лет. В школу, которая находилась в м. Хомск, мать нас не отпускала одних и поэтому водила сама.

С Заеленья я ходил в начальную школу, держась за руку матери. Жить было очень тяжело. Чтобы заработать деньги, отец вскоре вступил в Петроградскую биржевую артель, по направлению которой работал во многих местах.

В 1907-08 гг. он был командирован в Варшаву на работу кассиром в Азовско-Донской коммерческий банк. В 1909 г. отец нашёл в городе квартиру и забрал нас туда.

Сначала мы жили в маленькой квартирке на Закрочимской улице, недалеко от Варшавской крепости. Потом наша семья переехала на

улицу Новоменскую. Оттуда я начал ходить в начальную школу. В этой школе произошёл со мной один случай. После уроков, во время молитвы, ученик Носов начал щекотать меня. Я предупредил его, сказав ему: «Не трогай меня!», но он продолжал баловаться. Я дождался окончания молитвы, повернулся и толкнул его. Он упал, а я испугался и убежал домой. На улице меня догнали два мальчика и остановили, чтобы побить. Я попросил их, и они меня отпустили. Дома родителям об этом случае ничего не сказал. А Носов, как оказалось, ударился о парту и разбил лоб. Об этом я узнал на следующий день, придя в школу. В наказание за это учительница поставила меня на колени в угол на два урока. Однако доверия у неё я не потерял, и когда учительнице приходилось отлучаться, то за старшего в классе она оставляла меня.

В 1910 г. отец нанял репетитора для подготовки меня к поступлению во 2-е Варшавское реальное училище. После сдачи экзаменов туда я был принят. В этом училище проучился до начала Первой мировой войны. Когда немцы стали приближаться к Варшаве, мать с сёстрами уехали в Заеленье, а мы с отцом некоторое время оставались ещё в Варшаве. Вскоре банк, в котором работал отец, эвакуировали, и я, захватив узелок со сменой белья и несколько учебников, тоже подался в Заеленье, где находилась мать с сёстрами. Пришлось ехать в товарном вагоне. Всю ночь простоял, так как не было места, чтобы сесть.

В Брест прибыли утром, но следующего поезда на Пинск пришлось ждать до обеда. Вскоре объявили, что отправ-

ляется пассажирский поезд в нужном мне направлении. Я забрался в вагон и, сев в уголок, сразу же уснул и даже не слышал, как тронулся поезд. Хорошо, что разбудили на ст. Нагорье (Дрогичин), а то поехал бы дальше. Еле успел перед отправлением поезда выскочить из вагона. Пешком пошёл домой в Заеленье. До деревни было 25 вёрст и за день можно было добраться. Мать и сёстры с радостью встретили меня и долго расспрашивали об отце.

Фронт приближался, и людей начали принудительно эвакуировать. Вывозили в основном по железной дороге вглубь России.

Тогда, в августе 1914 г., и наша семья с Заеленья выехала в Москву. Первое время жили в селе Кунцево у дяди Саша — мамино брата. У него мы прожили до начала занятий в школе. За это время нашли комнатку в подвальном помещении по улице Малая Ордынка, где и поселились. Училище, в котором я учился в Варшаве, тоже переехало в Москву и расположилось на Девичьем поле. Наше училище было переименовано в Московское 4-е реальное училище, которое я и окончил в 1918 г.

Во время учебы я дважды выезжал с рабочими ученическими дружинами. Первый раз в 1916 г. в село Дурькино на сенокосы, а в 1917 г. с рабочей дружиной в 300 человек на заготовку сена для армии на заливные луга под г. Старая Русса. Там мы 2 месяца стояли лагерем и жили в палатках. На лугах трава была в пояс, а местами и в рост человека. Косили наши ребята с удовольствием, потому что знали — этим мы помогаем армии на фронте.

Вспоминается один случай, когда я косил всклад сено, ко мне подошёл десятник, посмотрел и спросил: «А под складом трава не стоит?». Я спокойно ответил: «Смотрите!». Перевернул он склад и увидел, что скошено чисто. Попросил косить на совесть и не халтурить, а то накажет.

События развивались очень быстро. Неожиданно грянула революция и всё резко изменилось. Были страшная неразбериха и хаос. Нужно было приспособляться к новым условиям.

В 1918 г. после окончания училища я подал документы на поступление в Петровскую сельскохозяйственную академию (ныне — Сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева) на аграрно-строительное отделение. До начала занятий ещё оставалось время. Вот отец и говорит: «Возьми с собой денег и поезжай в Сибирь к матери, заведи ей денег, а оттуда привезёшь муку».

Мать с сёстрами, когда стало тяжело с продовольствием в Москве, уехали на Урал, в д. Ужовка Долгодеревенского уезда, что недалеко от Челябинска. В 1918 г. вместо хлеба мы получали 200 грамм овса на целый день. Доходило до того, что человек шёл по улице, падал, а подняться уже не мог. Поэтому я собрался и поехал к матери и сёстрам.

Доехал поездом до Екатеринбурга и там узнал, что дальше поезда не идут. Отправляют только воинские эшелоны, так как в Сибири восстали чехи, и к ним примкнули казаки под командованием Колчака. Этому не придавали большого значения, ведь люди думали, что скоро всё закончится. С воинским поездом я доехал к

самому фронту. Зашёл в ближайшую деревню к старосте и попросился пожить у него, пока покончат с мятежными чехами. А вышло так, что я пробыл у него неделю. Утром пошли в наступление чехи, и красноармейцы отступили. Так я очутился уже по другую сторону фронта. Пробыл ещё два дня в этой деревне и пошёл к полустанку, где в это время оказался паровоз с двумя товарными вагонами, отправляющийся в сторону Челябинска. Вот таким образом я доехал до станции Есаульская, которая находилась в нескольких километрах от того места, где жили мать с сёстрами. Потом мать мне рассказывала, что ей снился сон, будто я приехал и пришёл к ним не со стороны станции, а со станицы, которая находилась с противоположной стороны.

...Гражданская война затянулась, так что о возвращении в Москву и думать было нечего. Уведомить отца, что я благополучно доехал к матери, также не было возможности. Ввиду сложившейся обстановки я надолго застрял на Урале.

Деревню вскоре заняли красные. Первое время среди местных был разговор, что я — колчаковский разведчик, и что меня необходимо арестовать. Вскоре было собрание жителей, на которое я пошёл и рассказал, как к ним попал. После объяснения, наконец, меня оставили в покое. Чтобы выжить, первое время приходилось наниматься к хозяевам на разные работы. А под осень, когда началась молотба, пошёл я на работу к кулаку, у которого была молотилка. Тяжёлая досталась работа. Молотба начиналась чуть ли не с полночи и дотем-

на. Первый день я относил с одним парнем от молотилки солому и клал в скирду. Уже в первый день я не выдержал и ещё до завтрака сказал: «Хозяин, давай смену!». Хозяин взялся сам относить солому. Вскоре он уже ремешок начал подтягивать, а потом сказал: «Ребята, пора поужинать». Так я проработал на молотбе неделю: то подвозил снопы от скирды к молотилке, то относил их. За неделю втянулся в работу, привык. Потом пришлось работать у другого хозяина. У него были скирды в татарской деревне. Там я работал неделю. Зерно подводами отвозили от молотилки сыновья этого казака. Он был богатым, и в станице у него было несколько амбаров. Хозяина звали Данила Колмоярцев. Вскоре власть снова менялась — пришла армия под командованием Колчака.

После установления новой власти я поехал в Челябинск, в отдел народного образования. Мне с трудом удалось устроиться на работу учителем в начальную школу посёлка Ужовка. Поработать пришлось в ней недолго, так как в конце 1918 г. меня призвали в армию в формировавшиеся на Урале из беженцев украинские войска. В войсках я пробыл около месяца. Ждали отправки на фронт, и поэтому я отпросился домой, к матери, чтобы отвезти кое-что из одежды и попрощаться с родными. Дома неожиданно заболел брюшным тифом. Пока я болел, моя часть была отправлена на фронт и, как я узнал потом, полностью перешла на сторону большевиков. После выздоровления мне подсказали, что в Челябинске существует организация поляков, а у меня сохранился документ, что я учился в Варшаве. И

вот, благодаря этому документу, от армии меня освободили, так как поляков в армию Колчака не брали.

Пару месяцев я работал в железнодорожной охране. Потом удалось устроиться в контору депо станции Челябинск на должность конторщика депо в службе тяги. Вскоре началось отступление Колчака и эвакуация части рабочих, в числе которых оказался и я. Пока добирался до станции Омск, пришлось временно работать на нескольких станциях. По прибытии на станцию Омск, наш поезд поставили на пути у депо станции Омск, где и находились мы до момента приближения большевиков.

Вскоре мы получили направление на станцию Тайга в Забайкалье, но доехали только до станции Захолустное, где поезд наш остановился. На пути стояло много эшелонов. Постарались кое-что заготовить, чтобы не голодать... Только в конце февраля 1920 г. начали разогреть паровозы и вытаскивать застрявшие составы. Пустые вагоны загоняли на запасные пути, а с людьми формировали составы и направляли в сторону Омска. Во время сортировки вагонов я стоял у стрелки и увидел на площадке у пустого вагона солдатика в шинели. Я крикнул, чтобы он сошёл, так как этот вагон перегонялся на запасные пути. После прохождения состава, я подошёл к солдату и увидел, что он шатается, а пальцы у него обморожены. Ветер отвернул шинель, а на нём даже белья нет. Отвёл я этого солдатика в помещение станции, а там на полу вповал лежали больные. В это время свирепствовал тиф, и люди падали как мухи; кругом по откосам валялись трупы, а у братских могил их

были горы. И у нас в вагоне старый рабочий умер, его также отвезли к братской могиле. Вот так среди трупов оказался один старик с вытянутыми руками, как будто старался выбраться из горы трупов. Эта ужасная картина осталась в моей памяти на всю оставшуюся жизнь.

Скоро на одном из составленных эшелонов отправились в обратный путь. Но ехали недолго. На узловой станции пришлось поработать. Я составил табель, по которому нам выплатили зарплату. Когда я пошёл получать деньги, услышал гудок своего отправляющегося поезда. Всё же мне удалось получить деньги, и я успел вскочить на ступеньку последнего вагона. На следующей станции я вошёл в свой вагон, а там спорили мои товарищи: «Пусть пропали бы деньги, а то из-за них человек отстал от поезда». И тут являюсь я, да ещё с деньгами. На многих станциях приходилось договариваться мне о дальнейшем следовании поезда. Так, мы, наконец, доехали до станции Омск. Здесь же у дежурного я узнал, что нас хотят отправить в район р. Иртыш восстанавливать взорванный мост. Несмотря на мои возражения, что люди переболели тифом и обессилены, дежурный не хотел ничего слушать. Тогда я пошёл к комиссару Омской железной дороги, всё ему рассказал, и он дал распоряжение направить нас в Челябинск. Наконец в марте ночью нас переправили через р. Иртыш по временному мосту, проложенному по льду. Переправляли по два вагона с паровозом. Паровозы мчались на полном ходу, так как лёд трещал. И вот когда пришёл наш черёд, то все оделись и стали у откры-

тых дверей, на случай если лёд провалится, чтобы можно было выскочить. Я же с полки не слезал. Подумал, что если провалимся, то выскочить всё равно не успею. Но переправа прошла благополучно, и вот мы уже на другом берегу, на станции Куломзино. После формирования эшелона мы направились в Челябинск. По прибытии в Челябинск, меня направили в распоряжение Губернского отдела народного образования, а они направили в распоряжение уездного отдела народного образования. Там я получал назначение в Долгодеревенскую станичную школу. Но по приезду к матери в Ужовку я повторно заболел тифом и пролежал целый месяц. Только после выздоровления приступил к работе. Через некоторое время отделом народного образования я был вызван на губернские шестимесячные школьно-инструкторские курсы. На курсах был избран в хозяйственную комиссию курсов. Кроме меня в комиссию взяли учителя Богомолова и учительницу Александру Крылову, но больше всего пришлось работать мне, как знающему город и расположение учреждений.

На курсах я ещё ближе познакомился с учительницей Александрой Крыловой, так как она мне понравилась. В конце курсов в загсе я с ней оформил брак. Через какое-то время меня направили в командировку в г. Верхнеуральск для проведения профсоюзного собрания. По дороге в Верхнеуральск, я побывал в гостях у тестя. Путь к ним был неблизкий — 200 вёрст на лошадях, но добрался благополучно. И вот после проведения профсоюзного собрания в Верхнеуральске, я с Александрой отправился на работу

в станцию Долгодеревенскую.

По приезду мы начали налаживать работу школ в деревнях Ужовка, Ключовка, Уренча, Шагиёво, Полетаёво, Каштак и Косарги. В станции же Долгодеревенской организовали работу детской площадки на 50 детей. При обходе населения для составления списков детей, станция мною была разделена на 4 условные части. В двух частях я обходил сам с Александрой, а в двух остальных — две учительницы из местных. Там, где обходили мы, то не было случаев отказов записать детей на площадку, а где обходили местные учительницы, то были случаи, что бедные хозяева и на двор их не пускали. Но, несмотря на это, у меня получился список из 200 детей. Со списком вскоре поехал в Челябинск для получения разрешения организации площадки. В отделе народного образования мне разрешили организовать площадку только на 60 детей. Я возвратился в станцию, дал им список детей и попросил из этого списка выбрать 60 детей, самых нуждающихся. Когда мне список дали, я опять поехал в город чтобы получить разрешение на получение со складов всего необходимого. В Челябинске я быстро нашёл две подводы для доставки в станцию продовольствия и всего необходимого для детей. За тем, чего не хватило, отослал своего представителя на губернский склад, но там ему отказали. Тогда я взял у него своё письменное требование, сходил на губернский склад и убедился, что необходимое имущество есть. Оттуда пошёл в губернский отдел народного образования, и начальник подписал письменное разрешение. Когда я на складе

получал имущество, там очутился зав. отделом снабжения уездного отдела народного образования и сказал: «Чёрт возьми, нашему агенту отказали, а ты получил, поэтому я на твою площадку отпускаю ещё масла подсолнечного». Я говорю: «Спасибо! Давай!». Таким образом мы открыли в станции работу детской площадки. Когда площадка стала работать, стали приходить те, что не пускали во двор к себе, чтобы их детей приняли. Поэтому, кроме уже имевшихся 60 детей, я принял ещё 20, так как нормы положенного питания, дети не съедали. Для работы площадки привлёк людей из местного населения. Продукты все отдал на хранение одному ответственному человеку, и он по моему требованию каждый день отпускал их повару. Работала площадка хорошо. Вскоре пришло известие от отца. Так мы узнали, что он находится на станции Орша и работает заведующим базой Оршанского управления пленных и беженцев. Мать стала просить, чтобы её я отвёз к отцу. Через несколько дней я выхлопотал направление в Оршу, чтобы отвезти туда мать. По просьбе отца нам дали вагон на станции Челябинск, в который погрузились мы всей семьёй вместе с дядей Демьяном — братом матери и дедушкой Кондратием Пунько с семьёй дочери Насти. Вскоре мы прибыли в Оршу, где и встретили отца. В Орше нас поместили в лагерь на карантин. Там я сильно заболел и попал в больницу. За время моей болезни отец сделал документы на отправку семьи в Польшу. Об этом я узнал по выходе из больницы. Спорить не стал, ведь думал, что отвезу мать на Родину, а сам с женой вернусь на Урал. Но вышло

так, что пришлось и мне ехать с родителями в Польшу.

На станции Нагорье нас встречал дядя Ваня — брат матери. От него узнали, что наш новый дом в войну сгорел, а поле заросло кустами. По приезду в Хомск мы разместились в доме дяди Демьяна. В Хомске было сорок еврейских лавочек и в них можно было всё, что нужно купить, но, к сожалению, денег у нас не было, но рабочие руки были. Работу найти было трудно, так как мы были не поляки.

Вот и пришлось кое-что сбывать, чтобы купить хлеба, а сёстрам браться за вышивание. Они взялись еврейкам вышивать рубашки и этим зарабатывать на хлеб. Через некоторое время я жену устроил учить детей в д. Чернеевичи, так как там не было школы. Это было сделано тайно от поляков. Занятия проходили по очереди в хатах. В которой хате занимались, там был ночлег и стол для учителя, а плата от ученика за сезон обучения была натуральной. Платили, кто хлебом, а кто — картошкой, то есть давали, что было. Сестра Мария устроилась учить детей в д. Мостыки, а младшая работала у богатых евреев воспитательницей. Вскоре вернулся отец, и нам надо было, по его словам, браться за восстановление хозяйства. Выхлопотал он 30 кубов леса на постройку дома. Стали ходить с отцом заготавливать лес. Когда лес заготовили, и у нас его приняли, я пошёл в Чернеевичи и попросил людей помочь нам его вывезти. Никто не отказался. За несколько дней вывезли лес. Мы с отцом его попилили и заложили дом. Строительством занимался отец, а я в это время поехал в д. Лесная на заготовку стройматериала.

Там первое время пилили и загружали вагоны еловыми поленьями. Работа была тяжёлая. Через некоторое время я устроился помощником машиниста узкоколейного паровоза и проработал им, пока не получил при аварии перелом левой руки. В Лесной родилась у нас с Александрой дочка Женя. Для кормления ребёнка завели козу. Во время работы я половину зарплаты отсылал отцу на постройку дома, а на остальные деньги покупал муку — 2 пуда в месяц. С этой муки жена выпекала хлеб, который мы продавали рабочим, а нам оставался припёк, так мы и жили. В лесу было много грибов, а возле нашего депо можно было посадить огород. Заработав денег, я уволился — нужно было ехать домой. Вещи и козу сдал в багаж и отправил до станции Блудень. По приезду в Блудень вещи я оставил у знакомых, а сам с Александрой и на руках с Женей пешком пошли в Заеленье. По дороге приходилось делать передышки, так как уставали, да и коза утомлялась. Как только мы садись, то и она возле нас ложилась. Пастушки, как увидят нас, сейчас же тащили травку козе. В одном месте, когда шли, переходили через ручей по кладке, а коза осталась и начала блять. Пришлось мне вернуться, взять козу на плечи и перенести. Вскоре подошли к Ясельде в том месте, что напротив деревни Жабер. Неожиданно началась гроза. Мы зашли переждать грузу на один хутор в д. Мостыки. Сами пошли в дом, а козу закрыли в сарае. Утром пошли за козой, а она, оказывается, улеглась на перину на нарах, которые тут стояли, и спокойно отдыхает. Забрали мы её, поблагодарили хозяев за при-

ют и пошли дальше. Через Ясельду нас на лодке перевёз наш знакомый по фамилии Каштельян. Так мы, наконец, добрались в Заеленье.

Коза наша давала 3 литра молока — вот нам и была поддержка. Я принялся за восстановление хозяйства. Лошади у нас ещё не было, приходилось постоянно просить у соседа, который мне свою лошадь доверял. И таким образом помаленьку вырабатывали своё поле. Места, заросшие кустами, перекапывали лопатами. Наша земля была разбросана в разных местах, так как при поляках вначале была «чересполосица». Люди старались перейти на хуторское пользование, поэтому в 1925 г. и наша семья перешла на хутор. Нам хутор намерили в урочище Криница. Земли было хоть немного, но она была плодородной. Теперь она была в четырёх отрезках. Стало намного продуктивнее работать на хозяйстве. Раньше бывало, когда возишь навоз, завезёшь 3 воза за день, а теперь — 15 возов и в тот же день его запашешь. Первое время было тяжело, пока перенесли постройки, потом пришлось ещё приводить землю в порядок. На хуторе оставалось много пеньков, надо было их выкорчевать, дёрн выдырять. На всё это нужны были мужская сила и руки. Всё же, с Божьей помощью, мы справились. Заложил я сад, посадив около 50 деревьев. Их выращивал я сам из семян, прививал, потом высаживал на поле. Таким образом у нас появился свой сад, фрукты из которого можно было продать. Когда уже немного настроили хозяйство, я устроился машинистом на паровую мельницу в м. Хомск, которая принадлежала Пицухе и Померанцу. На мельнице,

В. А. Бартош,
предвоенные годы.

кроме помола, ещё и валяли валенки, так что работа шла круглые сутки. При машине нас было два машиниста, и мы работали сменами по 12 часов. Хуже было работать в ночную смену. Отработав ночь, а днём хочется кое-что сделать на хуторе и дома. Вот так было до освобождения Западной Беларуси в 1939 г. С приходом Красной Армии и установления Советской власти, мы с женой организовали у нас в Заеленье начальную школу. Набралось более 60 учеников. Учительницей и заведующей школой стала моя жена, а я стал работать на национализированном у хомского еврея Померанца кожзаводе. На заводе проработал до начала войны с Германией. Потом год учительствовал при немцах в Гошевской начальной школе. Когда же зона стала партизанской, пришлось работу оставить, так как ездить и учить детей стало опасно. Партизаны пожгли все школы.

Власть на местах стали устанавливать немцы и брать все на учёт. Я дал согласие на работу в Заеленье в должности агронома, в обязанности которого входило брать на учёт сельскохозяйственный инвентарь и скот. Согласился, потому

что предвидел, что если станет кто-то несообразительный, то наделает много плохого людям, что потом и подтвердилось в других деревнях.

Немцы должны были набирать молодёжь в Германию на работы, для чего из деревень в волостное управление требовали списки о составе семьи и количестве земли у каждого. Я узнал, что если у кого мало земли, а есть лишняя рабочая сила, то у тех могут кого-то забрать в Германию, но можно было их приписать к тем семьям, где земли было много, а рабочей силы не хватало. Я ознакомил односельчан со своими предложениями и многие этим воспользовались. Некоторые на первых порах уехали в Германию, можно сказать, добровольно. Кто же не захотел, то, получив документы, остался дома. Даже когда немцы узнавали об этом, то потом забрать людей было труднее.

Дочь моя Надежда устроилась работать в швейной мастерской в м. Дрогичин. К этому времени она уже работала партизанской связной и распространяла партизанские листовки. Когда же был разгромлен полицейский участок в Хомске, Надежда на работу в Дрогичин не явилась. За невыход на работу ей был прислан «карный наказ» на 200 рублей. Мы этой кары не уплатили, и на работу в Дрогичин дочь больше не пошла. У нас действовал отряд, которым командовал Евгений Макаревич.

Он организовался, когда должны были забирать военнослужащих, которых война застала в отпусках или у родственников в нашем районе, бежавших из плена и оставшихся на оккупированной территории в Германию. Из нашей волости тогда ушли в

партизаны: старший сержант Павел Иванович Ключев, лейтенант Евгений Макаревич, рядовые Иван Панкин и Василий Горшков. К ним присоединились потом и местные активисты. Первое время они ночью приходили к нам, чтобы поесть и сменить бельё. Основной партизанский лагерь размещался в Споровских болотах. Потом, когда из Беловежской пуши в Споровские леса переместился отряд капитана Бобкова, партизаны стали действовать смелее. Возле д. Заточье однажды был разбит обоз дрогичинского ляндрвирта, но сам он успел удрать, а его коляску захватили партизаны. Позже этот же отряд возле д. Здитово сжёг 14 немецких машин, на которых ехали немцы в эту деревню. Когда же Хомск заняли мадьяры, то партизаны ушли в Споровские леса. Мадьяры попробовали сунуться туда, но партизаны их встретили так, что больше они не решались туда соваться. Мадьяры часто шныряли по близлежащим деревням. Однажды они, пройдя по Заеленью, завернули к нам, вроде с проверкой документов. Хотели забрать нашу Женю. Тогда мы подсказали им, чтобы взяли с собой вместо Жени, Мусю. Они её оставили, а забрали мою жену Александру. Сказали, что в Хомске проверят и отпустят. Когда её уводили, то я сказал: «Давай прощаться! Знаешь, какое время?!». Однако один из мадьяр сказал, что она вскоре придёт домой.

Её повели, а мы остались в доме. Все замерли в оцепенении, не зная, что предпринять. Через некоторое время услышали стук в парадную дверь. Женя посмотрела в окно и сказала: «Папа, мадьяр стучит». Я открыл дверь.

Надежда Бартош, 1925 года рождения, связная партизанского отряда Макаревича, подорвалась на mine 29 июля 1944 г. Фото 1940 г.

Он вошёл и спросил: «Чьи мадьяры пошлы?». Я ответил: «Пошли». Он тогда подаёт руку и говорит: «Товарышу!». Я с недоумением и удивлением посмотрел на него. Он вторично говорит: «Товарышу!», подаёт мне руку и хочет поцеловаться. Я подал руку, поцеловался с ним. Он вошёл в кухню, вынул папироску и стал закуривать. В это время через кухонную дверь с улицы зашли два вооружённых мадьяра и что-то стали ему говорить на своём языке. Тот мадьяр был без оружия. Когда его повели, то мы через окно заметили, что он схватил висящий на дереве багор и начал от них защищаться. Вскоре они нагнали остальных, которые вели мою жену. Этот мадьяр, что заходил к нам сам, стал по-мадьярски что-то говорить. Тот, что вёл жену, принялся его бить, сбил с ног и начал пинать бедолагу ногами. И так несколько раз, пока шли в сторону Хомска.

сказал командир.

— Никто не знает, где кто ляжет, — ответил Виктор ему.

Начальника разведки Горецкого через несколько недель поймали немцы и застрелили.

Из сундука всё забрали. Обыск шёл всю ночь. Перед рассветом партизаны уехали. Соня всю ночь пролежала на печи. На следующий день пришла Надя. Рассказала, что действительно в Здитове партизаны встретились, узнали Надю, кричали, что она шпионка, пробирается в штаб. Вели в клуню расстреливать. Она призналась, что связная у «женьковцев» (отряд имени Макаревича). Требовали, чтобы дала расписку быть связной в их отряде. Она отказалась. В ответ тот хлопц, из Гнильца, что взялся её завести в Спорово, сказал: «Отдайте её мне, ведь она идёт в штаб, а стрелять и там умеют». И завёл Женю в Спорово.

Зашла к командиру бригады Бобкову и рассказала всё. Он её похвалил: «Молодец, Цыганочка (Бобков звал её Цыганочкой — она была чёренькая). Раз они знают, что ты у меня — не расстреляют. Ограбят, сволочи».

За это время сообщили в штаб Евгению Макаревичу о случившемся. Он пришёл к Бобкову, а Фёдор Малиев и Иван Мотолянец (Калилец) — потребовали, чтобы Горецкий извинился перед нами в этом безобразии.

Тот партизан, что был за столом с автоматом, сказал: «Это первый дом, в котором я

не выполнил данный мне приказ!». После этого он извинился.

В Заеленье была расстреляна партизанами семья Степана Мажева (хозяин, хозяйка и одна дочь). Одной дочери с двумя детьми подсказал Горшков, что бы бежала. И она сбежала. А две дочери убежали под выстрелами. У них сожгли и хозяйство, хотя сын был в партизанах. Стрелял Алексей Гришин — начальник штаба отряда Макаревича. Он мне раньше говорил: «Я пьяный — дурной, могу мать родную убить». Причиной было то, что у Степана с одним из жителей Заеленья была давняя вражда. А тот, хорошенько угостив Гришина, и направил его к Степану Мажеву. За эту семью и многие другие невинные смерти и был расстрелян Гришин по приказу Сергея Сикорского, а также тот, кто его хорошо угостил.

Ещё один был случай. Дом этот стоял один среди открытого места. Перед Новым годом принёс портной хозяину брюки. Подходя к хутору, удивился, что нет никаких следов ни на улице, ни во дворе, а ночью шёл снег. Только почему-то скотина беспокоится в хлеве. Подошёл к дверям — открыто. Заходит в дом — лежат на полу три трупа — хозяин, хозяйка и старушка-мать.

После выяснилось по рассказам полицейских.

Постучали партизаны в дом — им открыли.

— Я Женька — командир. Мы шли через реку, поскользнулись с кладки, промочили портянки.

Вручение знака «Партизан Беларуси» А. Бартош. 2003 г.

Переспим у вас и уйдём.

Макаревич первый раз зашёл в этот дом, поэтому не знал хозяина. Кто донёс в полицию — неизвестно. На рассвете пришла группа полицейских. Издалека дали залп по крыше дома, а она жестяная и не загорелась. Партизаны выскочили и убежали. Был очень густой туман. Стреляли по ногам. Макаревичу вскользь попали в ногу. Но пробили только сапог. Потом он показывал дружкам эту дырку в сапоге. Немцы окружили дом, и всех кто там был, расстреляли за связь с партизанами.

Хозяйство осталось цело, не разграблено, а семьи нет.

Жаль, что прошло много времени. Многие трагические события тех лет стерлись в памяти, да и вспоминать больно...

Литературная обработка
Сергея ГРАНИКА

Редколлегия:

Сергей Граник — главный редактор,
директор Военно-исторического музея г. Дрогичина;
Сергей Волосюк — заместитель главного редактора,
преподаватель истории гимназии г. Дрогичина;
Евгений Квачук — учитель истории Перковичской ОСШ;
Светлана Кинчак — директор Липниковской ОСШ, историк-краевед;
Алеся Стасюк — методист отдела культуры Дрогичинского райисполкома;
Владимир Зенько — консультант, оригинал-макет и вёрстка,
директор ОДО «ИРА «Паляшук» (г. Пинск).

Издатель:

Военно-исторический музей г. Дрогичина
Адрес редакции: 225612, Брестская область,
г. Дрогичин, ул. Ленина, 163.

Тел. 8-01644-3-14-22;

e-mail: nash_kraj@mail.ru

Газета издаётся на русском
и белорусском языках.

Тираж 199 экземпляров.